А.И.АЙБАБИН

НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА В СЕРЕДИНЕ III - IV вв.*

Крымский полуостров (площадь 26000 км²) расположен на Северном берегу Черного моря (Понта). Северо-восточное побережье Крыма омывает Азовское море (Меотида). Крым (рис. 1) по рельефу делится на равнинный и горный регионы. Первый является частью Северопричерноморской степи, с которой соединяется Перекопским перешейком. Расстояние от Перекопа на севере до мыса Сарыч на юге равно 195 км, а от мыса Тарханкут на западе до Керченского пролива на востоке - 325 км.

Авторы многих книг и статей материалами из позднеантичных и раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма и картографированием из априорно датированных археологических памятников пытались обосновать происхождение местного населения от тавроскифов или от скифов, бежавших от готов из предгорий, из низовьев маленьких речушек Альма, Кача и Бельбек на 5-20 км вверх по их течению, в горы и на Южный берег (1, с. 71-79; 2, с. 193; 3, с. 188). Этнонимы "тавры" и "тавроскифы" упомянуты в нескольких надписях I - первой половины III в. н.э. с Боспора и Херсонеса (4), в географических сюжетах в сочинениях Прокопия, в составленном в VI в. "Перипле Понта Евксинского" (5, с.115-124), в созданном в середине IX в. "Житии Иоанна Готского" (6, р. 91-92). Однако, в Крыму не выявлена таврская археологическая культура того же периода (7, с. 213). Наиболее поздние таврские памятники относятся к IV-III вв.до н.э. (8, с.6,7). В первые вв. до н.э. тавры уже были ассимилированы скифами. Поэтому авторы той эпохи жителей крымских предгорий именовали тавроскифами (7, с.213). Следуя утвердившейся традиции, данный этноним употребляли и в более позднее время.

В автохтонистских экскурсах по этнической истории отсуствует какой-либо сравнительный анализ конструкций погребальных сооружений античного и раннесредневекового периодов и обряда захоронения в них, не разработана типология и хронология находок с некрополей, городищ и поселений III-V вв. Найденные там вещи второй половины III-IV вв. относили ко II-III вв., а керамику IV-VI вв. - к III в. или к III-IV вв. Довольно часто история полуострова второй половины III-IV вв. воссоздается по раннесредневековым находкам.

Для реконструкции этнической истории населения Крыма в позднеримский период прежде всего следует выявить материалы второй половины III-IV вв., по которым можно будет определить объекты, использовавшиеся в названное время.

В результате изучения типологии находок и их взаимовстречаемости в составе вещевых комплексов из захоронений позднеримского периода последние распределены на три группы.

Многие вещи из захоронений первой группы изготавливались довольно длительное время. Одночленные фибулы варианта 15/I-3**, подобные найденной в подбойной могиле 50 на Черной Речке (рис. 1,19; 2,1), в основном, носили во II в. н.э. (9, с. 49; 10, с. 105, табл. IX,4). Однако А.К.Амброз приводит примеры упот-

* Русский текст доклада, прочитанного на XVI международном семинаре "Идентификация археологических популяций" в Антибе (Франция) 19-21 октября 1995 г.
** В работе использована типология А.К.Амброза (9).

ребления таких фибул и в более поздний период. В одном из склепов в Херсонесе (рис. 1,17) и в могиле, раскопанной в Бережновке (район р.Волга) однотипные фибулы лежали с инвентарем II - середины III вв. (9, с. 49,50). В склепе V/1934 из Тиритаки (рис. 1,25) одночленные фибулы варианта 15/I-5 (рис. 2,2) лежали со стеклянными сосудами и керамикой (9, с. 51, табл. 9,13; 11, рис. 116-118) второй половины III - первой половины IV вв. (12, с. 13, рис. 2,2,4; 3,12). Этот факт дает возможность говорить о бытовании названных фибул в Крыму во второй половине III в. Аналогии пружинным фибулам варианта 12-46 (рис. 2,7) (9, с. 44) и римской шарнирной с эмалью 1 типа (рис. 2,9) (9, с. 29, табл. 14,3; 10, с. 114, табл. IX,2) встречены с вещами II-III вв., одночленным фибулам варианта 14-а (рис. 2,8) - в погребениях конца I-IV вв., а вариантов 15/II-1 (рис. 2,3), 15/II-2 (рис. 2,4) и 15/II-3 (рис. 2,5) - с вещами второй половины II-III вв. (9, с. 47,52), римской шарнирной фибуле с эмалью с ромбическим щитком (рис. 2,10) - с монетами Максимиана 235-238 гг. (10, с. 109, табл. IX,6; 9, с. 33, табл. 15,8). В Западной Европе броши с эмалью геометрической (рис. 2,13) и круглой (рис. 2,14-16) форм тех же типов, что и обнаруженные на Черной Речке в могилах 58 и 86, бытовали в III в. (13, Tabl. X,5; 14, p. 364,372, pl. 151,1889, t.26, C.4; 151,1914, t.27, D.1).

Пряжки и наконечники ремней с сарматскими знаками найдены в Керчи (рис. 1,26) (15, с. 14, рис. 5; 16, с. 31-34, рис. 4,5,12), Нейзаце (рис. 1,2) (17, с.132-134, рис. 76), в Херсонесе с монетой, выпущенной в 180-192 гг. (18, с. 34, 130, рис. 18; 19, с. 154, №280), и на Черной Речке в склепе 35 (рис. 3,3,4) с фибулами второй половины III в. (20, рис. 2,25-28). Пряжки с овальной или сегментовидной рамкой 1 варианта (рис. 3,8) носили во второй половине III - первой половине IV вв. (12, с. 27, рис. 2,3). На некрополе Скалистое III (рис. 1,8) с такими пряжками лежали шпоры (21, рис. 8,46-49) типа Генальский Е (22, p. 59-64). Они в пшеворской культуре типичны для горизонта С-1-А-1-160/180-260 гг., а в Скандинавии - для горизонта С-1b-230-260 гг. (23, S. 431). На могильнике Бельбек I (рис. 1,12) в могиле 19 с пряжкой 1-го варианта нашли монету Деция Трояна 249-251 гг. (24, с. 32, табл. IV,19, рис. 1,9).

Красноглиняные ойнохои (рис. 4,7) по форме близки найденным на Афинской Агоре в слое, образовавшемся после 267 г. (25, p. 58, pl. 14,K106), а на Кноссосе - в слое с керамикой IV в. (26, p. 106,107, fig. 6,76). Аналогии краснолаковому одноручному кубку с биконическим туловом (рис. 4,3) из подбойной могилы 2/1984 из Дружного выявлены в слоях II - начала III в. в Греции и в Италии (25, p. 87, pl. 18,M36; 26, p. 109, fig. 11,150). Краснолаковые плоскодонные чашки с вертикальным профилированным бортиком (рис. 4,5) в Юго-Западном Крыму обнаружены как с керамикой и фибулами II - первой половины III в. (27, с. 29, табл. IV,13-19; 28, с. 40, рис. 14,7; 24, рис. V,5; XIV,46), так и со светлоглиняными амфорами типа Зеест 9 (29, с. 117, рис. 90а,6; 3, с. 128, рис. 35,II,97). Тогда же, в основном, изготовляли краснолаковые миски с вертикальным бортиком с рельефным нижним краем (рис. 4,12) и с рельефными верхним и нижним краями (рис. 4,10,11) (24, с. 38, рис. XIX,1-16). Однако, известны примеры употребления мисок обоих типов и после середины III в. На Афинской Агоре самые поздние миски того же типа, что и первые, лежали в слое, образовавшемся после 267 г. (25, p. 58,59, pl. 12,K31). Миска с вертикальным бортиком с рельефными верхним и нижним краями на Чатыр-Даге найдена с монетой IV в. (30, с. 151, рис. 5,2). Краснолаковые кувшины-лагиносы (рис. 4,6) в Египте бытовали с середины I до

середины III в. (31, p. 12,67, pl. 58,428), а кувшины с цилиндрическим горлом - во второй половине III - начале IV в. (31, p. 12,63,119, pl. 51,390). Кувшины с конусовидным горлом и грушевидным туловом (рис. 4,8) в Юго-Западном Крыму встречены в могилах II - первой половины III в. (24, с. 35, рис. V,8). Одноручные кувшины с коротким широким горлом (рис. 4,9) на Афинской Агоре имелись в слое, образовавшемся после 267 г. (25, p. 58,59, pl. 13, K65). Верхняя дата бытования светлоглиняных амфор типа Зеест 90 (рис. 5,2) определяется по аналогиям из слоя разрушения 267 г. с Афинской Агоры (32, p. 205-206, fig. 40; 87,288,289). Светлоглиняные амфоры типа Зеест 93 (рис. 5,3) (29, с. 118, рис. 93) делали и после середины III в. (33, с. 17). Красноглиняные амфоры (рис. 5,1) типа Зеест 75 из Западного и Северного Причерноморья обычно относят ко II-III вв. (29, с. 113, рис. 75а-з).

Для обоснования даты комплексов первой группы важны стеклянные стаканы (рис. 4,2) и кувшины (рис. 4,1), которые начали производить во второй половине III в. (12, с. 13, рис. 2,5; 3,11). Ранняя Т-образная шарнирная фибула варианта 19/I-1 из подбойной могилы 45 на Черной Речке (рис. 2,11) (9, с. 74) аналогична фибулам из Подунавья, датированным Ф.М.Прёттелем 250-280 гг. (34, S. 349-350,372, Abb. 1,1,2; 11). Во второй половине III в. в Причерноморье распространились двучленные фибулы вариантов 15/III-1 (рис. 3,9) (в Керчи с монетой 268 г., в Тиритаке с монетой 262 г.) (9, с. 52-53; 35, S. 235-268; 36, с. 108), 15/III-3 (рис. 3,10) и 16-2/I-1 (рис. 3,11) (на могильнике Совхоз 10 с монетой 270-275 гг.) (9, с. 52-54; 12, с. 18, рис. 2,1; 8,1) и серебряные лунницы (36, с. 109, рис. 4,3), подобные обнаруженной на Черной речке в могиле 56 (рис. 3,5). Одночленные фибулы варианта 15/II-4 (рис. 3,7) датируются по инвентарю из могилы 35 на Черной Речке второй половиной III в. (20, рис. 2,23,25-28). В могиле 59 из Черной Речки с одной из таких фибул находилась редкая фибула с пластинчатыми спинкой и приемником (рис. 3,12). Комплекс из подбойной могилы 24 Дружного (рис. 1,4), с двучленной фибулой варианта 15/III-1, монетой 251 г., браслетом и височными подвесками с тисненным декором и сердоликовыми вставками (типа рис. 3,13) (37, p. 182-184, №№ 28,29,32-35) свидетельствует об использовании этих вещей во второй половине III в.

Опираясь на приведенный анализ вещей, большинство захоронений первой группы необходимо отнести ко второй половине III в. На Черной Речке в могилах 61 и 82 с кувшинами, сделанными до середины III в., встречены фибулы, которые носили и во второй половине того же столетия. На территории могильника они расположены рядом с погребениями второй половины III в. В Дружном лишь в подбойной могиле 2/1984 нашли сосуды традиционно датируемые не позднее середины III в. (рис. 4,4,5). Учитывая ее местонахождение на территории некрополя и дату других исследованных там погребальных сооружений, можно допустить, что захоронение в могиле 2/1984 совершили в последние десятилетия первой половины III в.

Многие вещи из комлексов второй групы начали использовать с начала IV в.: подвязные фибулы варианта 16-2/I-3 (рис. 5,7), воинские фибулы вариантов 17-2 (рис. 5,8) и 17-1/Iа (рис. 5,9) (9, с. 64,70-71, табл. 10,17; 12, с. 18, рис. 2,7,14; 8,2-4,9,10), фибула дакийского типа 1-го варианта (рис. 5,10) (на территории Совхоза 10 с монетой 305-311 гг.) (12, с. 18, рис. 8,5), пряжки с овальной или сегментовидной рамкой 2-го варианта (рис. 5,6) (12, с. 27,28, рис. 2,10; 22,3), краснолаковые миски с отогнутым вниз бортиком (рис. 5,12) и с наклоненным

внутрь бортиком 2-го (рис. 5,13) и 3-го (рис. 6,7) вариантов (12, с. 15, рис. 2,8,12,13; 5,1,5,9; 38, p. 183,184, fig. 21,23), блюда типа Hayes форма 50А (рис. 6,2) (39, p. 69-73, fig. 12,46; 12, с. 16, рис. 2,15; 5,3) и с горизонтально отогнутым бортиком (рис. 6,1) (12, с. 16, рис. 2,11; 5,8; 40, p. 298, № 182,183; 38, p. 200, 210,211, fig. 96), канфары 1 варианта (рис. 6,3) (41, p. 28, pl. XII,LXXII,189), кувшины с высоким горлом с воронковидной верхней частью (рис. 6,4) (42, p. 287, fig. 30,7) и с коротким воронковидным горлом (рис. 7,1) (в Хараксе с монетой 305 г.) (43, с. 270, рис. 13,4), светлоглиняные амфоры типа Зеест 105а,б (рис. 4,5) (12, с. 14, рис. 2,6; 4,4), гончарные ойнохои (рис. 7,2) (в Озерном с монетой 306-337 гг.) (44, с. 241,242), гончарные флаконы-бальзамарии (рис. 6,5) (41, p. 29,30, pl. XII,176,204; LXIX,174,176; LXXII,204), лощеные вазы (рис. 7,4), стеклянные кубки (рис. 6,6) и кувшины с вогнутым дном (рис. 7,5) (12, с. 13,14,17, рис. 2,9,16,25; 3,8,12; 6,11).

Наконечники ремня с валиком (рис. 5,5) подобны найденным в Градештах вместе с двучленной фибулой дакийского типа 1 варианта и пряжками типа Келлер А (45, рис. 2,2,11-14,20,22), которые имеются в могилах первой половины IV в. (46, p. 13,14, fig. 9,44). Одна из краснолаковых мисок с венчиком, выделенным врезной линией (рис. 7,7), лежала в Инкермане в подбойной могиле 41 с инвентарем первой половины IV в. (12, рис. 2,6,10,12). Кувшин с коротким воронковидным горлом (рис. 7,1), близкий публикуемым, в Каллатисе в могиле 161 найден с овальной пряжкой 2-го варианта (41, pl. LXVII,161,1,3).

В составе комплексов второй группы имеются монеты первой половины IV в.: 305-311 гг. - в могиле 55 в Совхозе 10 (рис. 1,16), 306-337 гг. в склепе 1 в Озерном (рис. 1,9) и в могиле 37 в Инкермане (рис. 1,15), позволяющие датировать всю группу данным периодом.

По словам Н.Цилинга, умбоны типа Н-2 и К-2, подобные найденным в захоронениях третьей группы на могильниках Харакс, Чатыр-Даг и Озерное (рис. 5,11), находились в употреблении до 375 г. (47, p. 103,104,123,124; 48, p. 494, fig. 5,3,29; 8,23). Другие вещи из комплексов этой группы характерны для второй половины IV в.: краснолаковые миски с горизонтальным верхним краем (рис. 7,7), с вогнутым (рис. 7,6), прямым (рис. 9,4) или горизонтальным бортиком (рис. 8,11) (12, рис. 2,20,22,24,27; 5,2,4,6,10), кувшины с валиком на горле (рис. 8,9) (12, с. 15, рис. 2,19; 4,6), амфоры типа Robinson M273 (рис. 7,8) (25, p. 83, pl. 29,M273) и стеклянные кувшины с конусовидным туловом (рис. 7,3) (12, с. 14, рис. 2,25; 3,15). Красноглиняные кувшины типа Robinson M271 (рис. 8,10) (25, p. 83, pl. 29,M271) нашли на Черной Речке с монетой 364-378 гг. (12, с. 15, рис. 2,18; 4,5). Широкогорлая амфора с туловом, зауженным в средней части (рис. 8,1), подобна найденной на Западном некрополе Херсонеса в могиле 53 с монетой 306-361 гг. (49, с. 22,23, рис. 16,M53,6). Краснолаковые блюда (рис. 9,2) типа Hayes LR C-2A изготовляли в Средиземноморье в последней четверти IV - первой половине V вв. (39, p. 328-329, fig. 66; 38, p. 211, fig. 26,1), а блюда типа Hayes 62 B (рис. 9,1) - в 350-425 гг. (39, p. 108-109, fig. 18,14). В Херсонесе блюда типа 62 B встречены в комплексах конца IV - третьей четверти VI вв. (50, с. 35,36). Стеклянные стаканы типа Сорокина I-D (рис. 8,2) начали производить с конца IV в. (51, с. 89, рис. 1,5; 12, с. 13, рис. 2,29; 3,5).

Овальные, круглые и сегментовидные пряжки с длинным язычком 3-го варианта (рис. 8,3) по найденным с ними вещам и монетам середины IV в. (Совхоз 10 могила 41); 379-395 гг. (Инкерман склеп 31) датируются, в основном, после-

дней четвертью IV - первой половиной V в. (12, с. 28, рис. 2,26; 22,8-11,16,17,18). Шарнирные Т-образные фибулы типа 3/4B и 3/4D (рис. 8,4,6) Ф.М.Прёттел отнес к 330-420 гг., а 5-го типа (рис. 8,5) - к 350-420 гг. (34, S. 372, Abb. 11). В-образные пряжки (рис. 8,8) аналогичны популярным в римских дунайских провинциях в 370-400 гг. (52, Abb. 11,9-11, Taf. B,1-4; 34,9; 55,4). В Херсонесе в склепе 1/1982 в захоронениях на левой лежанке и в правом углу с названными пряжками находились краснолаковые одноручные кубки (рис. 8,7), двуручный кубок (рис. 9,3), кувшины и глиняный флакон-бальзамарий (53, с. 105, рис. 3,1,2; 4,3,6,9; 5,1,5; 9,4-6). Кувшины с валиком на горле, кувшины типа Robinson M271 и высокие чашки найдены в Херсонесе в цистерне, засыпанной в конце IV - начале V вв. (54, с. 130, рис. 3,4,6,7). На Черной Речке высокой чашкой (рис. 9,5) накрыли горло амфоры с туловом, зауженным в средней части (рис. 8,1).

По перечисленным вещам и монетам с отверстиями 364-378 гг. из склепа 53 на Черной Речке комплексы третьей группы можно отнести ко второй половине IV в. (12, с. 63).

Рассмотренные выше вещи, типичные только для комплексов первой группы, обнаружены на некрополях в устье реки Альма (рис. 1,5) и на Третьей и Второй грядах Крымских гор: Бельбек II, III (рис. 1,12) и IV, Скалистое III (рис. 1,8), Заветное (рис. 1,6). Инвентарь второй половины III-IV вв., характерный для всех трех групп, выявлен на могильниках и в культурных слоях городов и поселений: на Керченском полуострове - Боспор (рис. 1,26), Мирмекий (рис. 1,27), Тиритака (рис. 1,25), Илурат (рис. 1,24), Семеновка (рис. 1,30), Заморское (рис. 1,29), Зенонов Херсонес (рис. 1,28); на Третьей и Второй грядах - Дружное (рис. 1,4), Перевальное, Нейзац (рис. 1,2), Озерное (рис. 1,9), Мангуп (рис. 1,14), Красный Мак (рис. 1,13), Тенистое (рис. 1,10); в низовьях реки Бельбек - некрополь Бельбек I (рис. 1,12); реки Черная - на территории Совхоза 10 (рис. 1,10), Инкерман (рис. 1,15), Чернореченский (рис. 1,19); на Гераклейском полуострове - Килен-Балка (рис. 1,18); на Первой гряде гор - Харакс (рис. 1,22), Чатыр-Даг (рис. 1,20). Из имений Артек и Суук-Су на Южном берегу из могил, разграбленных в начале XX в., происходят В-образная пряжка и двучленные подвязные фибулы варианта 16-2/I-3 IV в. (9, с. 64; 12, с. 64).

Некрополи городов Боспора и Херсонеса существовали с момента основания последних греческими колонистами. На некоторых перечисленных выше могильниках начали хоронить в I в.до н.э. (Усть-Альма, Заветное) или во II в.н.э. (Бельбек I-III), на других (Дружное, Перевальное, Нейзац) - в 240-е гг., на третьих (Заморское, Озерное, Мангуп, Красный Мак, Тенистое, Инкерман, Чернореченский, Килен-Балка, Харакс, Чатыр-Даг, Артек) - в начале второй половины III в. Могильник Скалистое III по шпорам, амфорам, краснолаковой керамике, пряжкам и фибулам, вероятно, необходимо датировать концом II-III вв. В Тенистом упомянутый выше могильник расположен у подножья горы Тас-Тепе, на вершине которой находилось укрепленное убежище. Дата возникновения убежища определяется по самой ранней керамике из слоя: фрагментам амфор типа Зеест 72, 73 (29, табл. XXX,72,73) и краснолаковой чаше. Однотипные амфоры на Кноссосе (26, p. 155-156, fig. 25,91 - type 39; 26,93 - type 42) нашли в слоях, образовавшихся во второй половине III в. Аналогичные чаши в Палестине встречены в слое второй половины IV в. (31, p. 148, fig. 7-8,131). Скорее всего, убежище одновременно могильнику.

На могильниках, возникших в 240-е гг. или в 250-е гг., найдены погребения с трупоположениями в подбойных могилах, в грунтовых ямах и в склепах Т-образной планировки и трупосожжениями (55, с. 188-189). Их детальное описание содержится в публикуемом в данном томе докладе С.Мульда. Названные погребальные сооружения по конструкции и выявленному в них обряду захоронения отличаются от позднескифских, но типичны для алан Северного Кавказа. В склепах выявлены традиционные для названных регионов элементы погребального обряда: коллективные захоронения, обычай смещения костей первоначально погребенных к стене (56, p. 158).

Для описанных склепов и могил с середины III в. стали типичными вещи новых типов: овальные пряжки со слегка утолщенной спереди рамкой и характерные для сармат и алан Северного Кавказа и Приазовья темноглиняные лепные и гончарные с темным лощением сосуды, железные детали узды (удила, псалии), мечи, ножи и украшения, популярные у германцев бронзовые амулеты в виде топориков, железные ведеркообразные, янтарные грибовидные бусы, популярные среди создателей черняховской культуры двучленные подвязные фибулы ранних вариантов, умбон, лощеная керамика с биконическим туловом, привезенные из римских провинций и изготовленные в Херсонесе и на Боспоре амфоры, стеклянные и краснолаковые сосуды. Довольно многочисленны и традиционные для Северного Причерноморья одночленные подвязные фибулы. С начала IV в. появляются металлические пряжки с овальной рамкой, массивной передней стороной и язычком со ступенчатым срезом у основания и наконечники ремней с валиками.

Скорее всего, появившиеся в Юго-Западном Крыму около середины III в. склепы и могилы с трупоположениями принадлежали аланам.

В настоящее время опубликованы 80 захоронений с трупосожжениями, изученные на некрополях Харакс, Чатыр-Даг и Черная Речка, возникших в середине III в. Три захоронения с кремацией выявлены на могильнике Бельбек I, а одно - на некрополе Скалистое III (21, с. 124; 24, с. 34,45,47,48). Кремация практиковалась в эллинистический и римский периоды в Херсонесе. К середине III в. жители города отказываются от нее. В более позднее время на его некрополе зафиксирован лишь один случай использования кремации (57, с. 57,58). В каменной гробнице 3/1891 стояла урна с брошью в виде цикады и дунайскими фибулами второй половины V в. (55, с. 188, рис. 2,64,65). Однако известные в Херсонесе погребения с трупосожжениями по конструкции и деталям обряда отличаются от горнокрымских. Зачищенные в Юго-Западном Крыму захоронения аналогичны одновременным германским черняховской культуры. Похожи и многие детали обряда: наличие вещей, остатков пищи и костра, обычай закрывать урны черепками или сосудами, малочисленность оружия (оно встречено только в 4 из 73 могил) и отдельные категории инвентаря (фибулы, ведеркообразные подвески, керамика с биконическим туловом) (58, с. 82,88, табл. II,IIa,IIIa,XXII-XXIV). Близкие погребения известны и на территории пшеворской и восточно-мазовецкой культур (59, с. 61-66,81-90; 60, с. 64,74,76). В Хараксе и на Чатыр-Даге в могилах много монет. Это локальная особенность обряда. Захоронения в плитовых ящиках в Юго-Западном Крыму немногочисленны. По мнению М.М.Казанского они аналогичны германским сожжениям римского периода в Норвегии (48, p. 496-497).

Признаки, присущие рассматриваемым крымским погребениям с кремацией всех вариантов, позволяют связать их с германцами.

Время возникновения на полуострове новых могильников согласуется с сообщениями письменных источников о вторжении в первой половине III в. в Северное Причерноморье разноименных племен германцев (61, с. 517). По Иордану, они вначале поселились у северных берегов Меотиды (62, с. 72). В его сообщении нет какой-либо информации о дате их появления или более конкретной локализации занятой ими территории. Вряд ли германцы сразу же отважились на вторжение на земли Боспорского царства. В первой половине III в. оно находилось под опекой Рима. Надпись Гайя Меммия свидетельствует о пребывании на Боспоре в этот период Кипрской когорты (63, №726). Надпись, высеченная после 214 г. на колонне из Преслава (Болгария), сообщает об участии солдата I Италийского легиона в какой-то Боспорской войне (in bello Bosporano) (64, с. 122-129). В Керчи, Мирмекии и Танаисе найдены терракотовые статуэтки орлов. Их римские легионеры ставили в святилища своих частей (65, рис. 7,9-12,39-44). Надпись из Керчи 249 г. в честь римского всадника, хилиарха и наместника царской резиденции Аврелия Родона говорит о важной роли, которую римляне играли при боспорском дворе (63, №58).

В Северном Приазовье германцы заняли земли алан, которые, как и сарматы, входили в ираноязычную группу индоевропейцев. При царе Савромате II (173/174-210/211 гг.) аланы были ближайшими соседями Боспора. Об активных связях между ними свидетельствует надгробье 208 г. Ирака, занимавшего пост главного аланского переводчика в Гермонассе (63, №1053). По мнению М.И.Ростовцева, мирное проникновение алан и сармат на Боспор привело в первой половине III в. к иранизации этого государства. Его жители, в том числе и правители имели иранские имена, носили сарматскую и аланскую одежду (66, р. 90-130).

С приходом германцев в Приазовье часть живших там алан присоединилась к ним. По данным письменных источников, аланы и сарматы с 242 г. принимали участие в набегах готов на приграничные дунайские провинции (67, р. 15). Другие аланы остались в Приазовье. Часть алан откочевала вглубь Крыма, в места, незанятые сарматами и скифами, во II - первой половине III в. У склонов Третьей гряды Крымских гор во второй четверти III в. возникли могильники Нейзац (рис. 1,2), Дружное (рис. 1,4), Перевальное.

Аланы поселились у границ региона, оккупированного римлянами. В первой половине III в.н.э. сформированные в Мезии и Фракии подразделения XI Клавдиева, I Италийского легионов и Мезийского флота и набранные в Испании вспомогательные когорты находились вместе с семьями (68, №19,20,31-34). По подсчетам Е.А.Савостиной, в первые века н.э. римские имена в городе составляли 20,6% (69, с. 139). Из частей XI Клавдиева легиона состояли гарнизоны крепостей, возведенных римлянами еще в I в.н.э. в Хараксе (Ай-Тодор) (43, с. 282,287-291) и во II в. н.э. в верховьях реки Альма на плато Алма-Кермен (3, с. 55-58). В 40-е гг.III в. римляне, заботясь об укреплении Дунайской границы, изменили военную политику в Крыму. Они вывели свои гарнизоны из Горного Крыма (70, с. 157; 71, с. 4) и, вероятно, с Боспора (65, с. 20). После ухода римлян сармато-скифские обитатели городища Алма-Кермен соорудили поверх римских построек свои (3, с. 60,61). В Херсонесе римский гарнизон оставался и в середине III в. Об этом свидетельствует надпись 250 г. Марка Ратина Сатурнина, центуриона I Италийского легиона, командира херсонесской вексиляции (72, с. 126-127).

Новой ситуацией воспользовались германцы. В Анналах автора XII в. Зонары сообщается о части "скифов" (германцев), которые после грабежей в Италии, Македонии и Греции при Трибониане Галле и Волузиане (252-253 гг.) по суше достигли Боспора и, переправившись через Меотиду, разорили хору каких-то городов (73, An. XII,21, S. 589-590). Он умалчивает о конечном пункте похода. Видимо, Зонара имел ввиду один из набегов на владения империи в Причерноморской Азии. По Зосиму, при Валериане (253-259 гг.) бораны, готы, карпы и уругонды нападали в Подунавье на владения империи. Тогда же бораны с помощью боспорцев переправились в Азию (74, I,31). По его словам, после первого рейда Валериан отозвал начальника гарнизона Питиунта и между 255 и 259 гг. отправился с ним под Антиохию (74, I,31,32, p. 141). Результаты раскопок Т.И.Макаровой в 1964 г. в Керчи позволяют уточнить дату первого похода. Она зачистила слой большого пожара, уничтожившего производственный комплекс. На полу одного из его помещений собраны монеты Фарзанса 253-254 гг. (по определению В.К.Голенко) (75, с. 88) или 254 г. (по определению Н.А.Фроловой) (76, с. 66-67) и Рискупорида V 254-256 гг. Поскольку в слое нет более поздних монет, чем 257 г., то можно приурочить пожар к 256 г. и согласиться с выводами Т.И.Макаровой о его связи с нападением германцев (77, с. 139-140). Скорее всего, после их нападения на город Боспор напуганный Рискупорид V был вынужден предоставить боранам морские суда с боспорскими экипажами. Не сумев взять крепость Питиунт, они возвратились обратно на судах, захваченных в местной гавани. Через год германцы совершают повторный, уже успешный, рейд на судах боспорцев на римские крепости в Восточном Причерноморье (78, I,32). Малые города и поселения Европейского Боспора германцев не интересовали. Судя по материалам некрополей и поселений, не прерывалась жизнь на Мирмекии, Тиритаке, Иллурате и в Семеновке (12, с. 66).

Из рассказа Зосима явствует, что бораны пришли к Боспору добывать суда для плавания в Азию с запада из крымских степей. Григорий Тавматург в каноническом послании о последствиях второго морского рейда назвал его участников готами и боранами (79, S. 62,63). Впрочем, у него дан искаженный или иной вариант второго этнонима "βοραδοι" (80, 1038). Возможно, до набега на Боспор в 256 г. бораны и готы вторглись в Северо-Западный Крым и разгромили Южно-Донузлавское укрепленное поселение (рис. 1,1). Там, в слое разрушения, найден умбон типа Хорула (81, p. 326, fig. 5,8). Аналогии ему известны в погребениях горизонта C-Ib 220/230-260/270 гг. (по К.Годловскому) в пшеворской культуре и в Скандинавии (82, p. 12,13, pl. II,21,44,46; XI,27; XVIII,29; XXII,29b). Затем германцы продвинулись к Третьей гряде, разрушив позднескифские поселения и городища Усть-Альма (рис. 1,5), Алма-Кермен (рис. 1,6) и Неаполь (рис. 1,3). В их верхних слоях обнаружены десятки скелетов и поврежденных черепов непогребенных людей, погибших во время нападения (3, с. 60,61,187; 83, с. 111-112). Данные укрепления являлись последним препятствием для проникновения германцев в оставленный римскими войсками Юго-Западный Крым. На время вторжения указывает клад, зарытый в землю в долине реки Кача у села Долинное (рис. 1,11) участником столкновений на Дунае, состоящий из серебряных римских монет антонианов и провинциальной дакийской карпатской фибулы. Самая поздняя монета клада выпущена в 251 г. (48, p. 499-500; 84, p. 178-179). Бораны и готы обосновались на Южном берегу и на границе хоры Херсонеса между 251 и 256 гг. На склоне Чатыр-Дага, рядом с заброшенной римлянами крепостью Харакс и на реке

Черная появились некрополи с характерными для германцев кремациями. Одновременно на Европейском Боспоре близ села Заморское (рис. 1,29) и в Юго-Западном Крыму на Второй и Третьей грядах - могильники Красный Мак (рис. 1,13), Озерное (рис. 1,9), на плато Мангуп (рис. 1,14), Терновка и на реке Черная (рис. 1,15,19) селятся аланы. Очевидно, они были союзниками германцев. На реке Черная и те, и другие даже жили вместе. В Тенистом (рис. 1,10) возникли аланское убежище и связанный с ним некрополь. Следует отметить, что в низовьях реки Бельбек и на склонах Второй гряды в долине реки Бодрак сохранилось прежнее сарматское население. Во второй половине III в. продолжали функционировать могильники Бельбек I, II, III, Скалистое III (рис. 1,8,12).

В правление Галлиена (253-268 гг.) Херсонес прекратил чеканку собственной монеты. Тогда же из города вывели римские войска (19, с. 88,91,92). Галлиен стремился накопить резервы (85, р. 150-151), которые он использовал для отражения новой серии атак готов и их союзников на империю из Северо-Западного Причерноморья (79, р. 65).

В последний год правления Галлиена в 268 г. начался самый большой морской поход германцев (79, р. 65). Синкелла исходным пунктом называл Меотиду (86, An. XII,717). Зонара же писал о переправе варваров из Азии через Меотиду (73, An. XII,26). Историк второй половины IV в. Аммиан Марцелин сообщал, что скифы на 2000 кораблях прорвались через Боспор и напали на причерноморские владения империи (87, XXXI,5,15). По Зосиму, готы, певки и герулы собрались в устье Тиры (Днестра) в 268 г., откуда вместе по суше и на 6000 кораблях вторглись в провинции в Западном Причерноморье (74, I, LXII, р. 38-39). У SHA среди сосредоточившихся в устье Тиры "скифских" народов упомянуты певки, остроготы, гепиды, кельты, герулы и другие. Они рассказывали о переходе "скифов" через "Эвксин" (Черное море) к Истру после гибели в 267 г. (88, р.222) правителя Пальмиры Одента (89, S. 52). Сообщения историков позволяют попытаться реконструировать события 268 г. Примеотидские германцы, направляясь к сборному пункту в устье Тиры, прорвались на кораблях через пролив Боспор (Марцелин). К Тире их флот проплыл вдоль Южного берега Крыма и оставленного римлянами Херсонеса. Сухопутные же отряды германцев могли попасть к Тире только через Северопричерноморские степи. Названные авторы перечисляют все города империи, подвергшиеся нападению германцев в ходе данного рейда. Среди пострадавших городов не названы ни Боспор, ни Херсон. Перерезав морские коммуникации, германцы нанесли урон экономике Боспора и Херсона.

По сообщению Зосима (74, LXIII, р.54) и Зонары (73, An.XII,28), после прихода к власти в Риме Тацита в конце 275 г., "скифы" в 276 г. переправились через Меотиду и напали на Киликию (89, S. 56). Зосим и Зонара называли "скифами" всех германцев, в том числе готов и боранов, участвоваших в первых походах через Боспор. Император Флориан возглавил войска, изгонявшие германцев с Кавказа (74, LXIII, р. 54,55). Вскоре он узнал об узурпации власти Пробом. По словам Зосима, Флориану пришлось, не завершив победоносную войну против "боспорских скифов", отправиться с войсками к Тарсу (74, LXIV). Вероятно, разгром измотанных римлянами германцев завершил боспорский царь Тейран. О победе царя Тиберия Юлия Тейрана, друга цезаря и друга римлян, сообщается в надписи с Боспора (63, №36).

Кратковременные вторжения германцев и их союзников в Европейскую часть Боспорского царства не привели к сколь-либо заметному изменению этнического

состава ее населения. После победы Тейрана над германцами на полуострове начался относительно спокойный период. В 276 г. правители Боспорского царства контролировали прежнюю территорию. В надписи в честь Тейрана упомянуты наместник Феодосии и начальник области аспургианов (Азиатский Боспор) (63, №36). Его границы не изменились и в начале IV в. Это подтверждает надпись 306 г. наместника Феодосии Аврелия Валерия Сога (63, №64).

Возникшие в конце первой половины III в. в результате военной активности германцев миграции сильно изменили этнополитическую ситуацию на полуострове. Римской империи пришлось временно отказаться от какого-либо присутствия в Крыму. Боспорское царство более чем на двадцать лет попало под контроль германских племен. Они вместе с союзными аланами уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения. Уцелели только сарматы, жившие в низовьях реки Бельбек и в бассейне реки Бодрак. В Юго-Западном Крыму с 250-х гг. доминируют аланы и германцы. Аланы расселяются на Европейской части Боспорского царства и проникают в Херсонес. В 260-х гг. там разразился глубокий кризис, вероятно, вызванный гибелью важного экономического партнера - позднескифского государства, уходом римских войск и захватом германцами черноморских коммуникаций.

Обстановка в Крыму начала стабилизироваться после разгрома крымских германцев в 276 г. Их победители - правители Боспора - восстанавливают дружеские отношения с Римской империей. Как только империя смогла утихомирить варваров на границах, она активизировала свою политику на полуострове. В империи отчетливо понимали геополитическое значение Херсонеса, равно как и Боспора, для установления прямых контактов с племенами, поселившимися в Приазовье и в Крыму. Рим, видимо, небезуспешно стремился подчинить себе Боспор. В конце III в. в Херсонес возвращается римский гарнизон. К концу IV в. римские военные превратили город в крупнейшую на полуострове крепость. В IV в. Боспор и Херсонес становятся и важными экономическими партнерами империи - поставщиками хлеба в Константинополь.

В Эпоху Великого переселения народов на полуострове вновь активизировались этнические процессы. В начале V в. гунны овладели крымской степью и частью Европейского Боспора. Описанные события дестабилизировали обстановку в Крыму и послужили причиной новых миграций алан. Они ушли из граничивших со степью склонов Третьей гряды, оставив могильники Дружное, Перевальное и Нейзац. Их новые могильники и поселения возникли на склонах Второй гряды в Скалистом I (рис. 1,8), на Бакле (рис. 1,7) и в Лучистом (рис. 1,21) (56, р. 161).

Все вышесказанное свидетельствует о высоком динамизме этнических процессов в Крыму в рассматриваемый период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веймарн Е.В. "Пещерные города" Крыма в свете археологических исследований 1954-1955 гг. // СА. 1958. №1.
2. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. №168.
3. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
4. Соломонік Э.І. Про значення термина "тавроскіфи" // АП. Том 11. Київ, 1962.
5. Скржинская М.В. Перипл Понта Эвксинского анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.

6. Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
7. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Вып.III. Симферополь, 1993.
8. Храпунов И.Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
9. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д 1-30. Москва, 1966.
10. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АР. Том XIII. Київ. 1963.
11. Кобылина М.М. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. // МИА. 1941. №4.
12. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып.I. Симферополь, 1990.
13. Exner K. Die provinzialrömischen Emailfibeln der Rheinlande // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. 39. Berlin, 1941.
14. Feugère M. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris, 1985.
15. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г.Керчи в 1904 г. // ИАК. Вып.25. СПб., 1907.
16. Шкорпил В.В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. Вып.37. СПб., 1910.
17. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
18. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 г.
19. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
20. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
21. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. 1976. №4.
22. Genalski E. Ostrogi kablukowe kuitury przeworskiej. Klassifikacija typologiczna // Przeglad Arch. 1991. 38.
23. Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipule de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrunderten. Lublin-Marburg, 1994.
24. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
25. Robinson H.S. Pottery of the Roman period. The Athenian Agora. Vol.V. Princeton, 1959.
26. Hayes J.W. The Villa Dionysos excavations, Knossos: the pottery // BSA №78. London, 1983.
27. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с.Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.
28. Гущина И.И. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму // КСИА АН СССР. 1970. Вып.124.
29. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. №83.
30. Мыц В.Л. Могильник III-V вв.н.э. на склоне Чатыр-Дага // МЭИК. Киев, 1987.
31. Jonson B. Pottery from Karanis // Studies the University of Michigan, Kelsey museum of archaeology. 7. Michigan, 1981.
32. Riley J.A. The coarse pottery from Berenice // Excavations et Sidi Khrebish Bengazi (Berenice). Vol.II. Tripoli, 1979.
33. Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. Вып.III. Симферополь, 1993.
34. Pröttel P.M. Zur cronologie der Zwiebelknopffibeln // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jahrgang 35, 1988. 1. Mainz, 1991.
35. Diaconu G. Uber die Fibeln mit Umgeschlagenem fuss in Dazien // Dacia. 1971. Tom XV.
36. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. №2.
37. Chrapunov I.N. Necropoli di Druznoe, distretto di Simferopol' // Dal mille al mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995.
38. Martin G. Terra sigillata Clara de Pollentia // Pollentia. 3. Palma de Mallorka, 1983.

39. Hayes J.W. Late Roman pottery. London, 1972.
40. Waage F. The Roman and Byzantine pottery // Hesperia. II. 1933.
41. Preda C. Callatis. Bucuresti, 1980.
42. Scorpan C. Contribution à la connaissane de certains types céramiques romano-byzantins dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. 1977. Tom XXI.
43. Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. №19.
44. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. №4.
45. Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
46. Kazanski M., Legoux R. Contribution à l'étude des témoignages archéologiqes des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migration. La cgronologie de culture de Cernjahov récente // Archeologia Médiévale. 18. Paris, 1988.
47. Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatene und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. I. Oxford, 1989.
48. Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière Pontique au bas-empire. TM. 11. Paris, 1991.
49. Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического. Киев, 1989.
50. Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсонес. Свердловск, 1991.
51. Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. №4.
52. Keller E. Das spätrömische Grabfund in Sudbayern. München, 1971.
53. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II-IV вв.н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
54. Рыжов С.Г. Керамический комплекс III-IV вв.н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
55. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII в.н.э. // МЭИК. Киев, 1987.
56. Ajbabin A.I. Gli Alani, i Goti e gli Unni // Dal mille al mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995.
57. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв.н.э. Киев, 1982.
58. Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.
59. Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребения Средней Европы в I тыс. до н.э. - первой половине I тыс.н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. - I тыс.н.э. М., 1974.
60. Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тишин. М., 1980.
61. Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. // МАИЭТ. Вып.IV. Симферополь, 1994.
62. Иордан. О происхождении и деянии готов / Пер. и ком. Е.Ч.Скржинской. М., 1960.
63. КБН. М.-Л., 1965.
64. Овчаров Д., Овчаров Н. Мраморная колонна III в. с надписью на латинском языке из Преслава // Thracia. 1988. T.8.
65. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.
66. Rostovzeff M.I. The Sarmatae and Parthians. Cambridge, 1936.
67. Bachrach B.S. A history of the Alans in the West. Minneapolis, 1973.
68. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
69. Савостина Е.А. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья // СА. 1977. №4.
70. Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. СПб., 1900.

71. Ростовцев М.И. Новые латиские надписи из Херсонеса // ИАК. Вып.23. СПб., 1907.
72. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.
73. Zonaras Ioannes. Annales. Corpus Skriptorum Historiae Byzantinae. Tomus II. Bonn, MDCCCXLIV.
74. Zosime. Histoire nouvelle. Tome I. Texte établi et traduit par F.Paschoud. Paris, 1971. Livre I.
75. Голенко К.В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. №2.
76. Фролова Н.А. История правления Рискупорида V (242-276 гг.н.э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. №3.
77. Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991.
78. Zosimus. New history. A translation with commentary by R.T.Ridley. Canbera, 1982.
79. Wolfram H. Histoire des Goths. Paris, 1990.
80. Grégoire le Thaumaturge. Epistola canonika. PG. T.10, canon V.
81. Scukin M.B. A propoz des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'apres l'armement et specialement les umbo de boucliers et les lances) // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siécle. Paris, 1993.
82. Godlowsky K. The chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.
83. Высотская Т.Н. Неаполь - столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
84. Hercen A.C. Il tezoro di Dolinnoe // Dal mille al mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995.
85. Luttwak E. La grande strategie de l'Empire Romain. Paris, 1987.
86. Georgius Syncellus. Chronographia. Corpus Skriptorum Historiae Byzantinae. Tomus I. Bonn, MDCCCXXIX. Annalium XII.
87. Ammianus Marcellinus. Cambridge-London: Harvard university press, 1972.
88. Isaac B. The limits of empire. Oxford, 1992.
89. Scwarcz A. Die gotischen Seezüge des 3 Jahrhunderts. Die Schwarzmeerküste in der Späntantike und im frühen Mittelalter. Wien, 1992.

AIBABIN A.I.

THE POPULATION OF THE CRIMEA IN THE MID-3d - 4th CENTURIES

Summary

Migrations which began as a result of military activities of the Germans in the end of the first half of the 3d century radically changed the ethnopolitical situation on the peninsula. The Roman Empire had to abandon any presence in the Crimea. Bosporos Kingdom had been under the control of the Germanic tribes for more than 20 years. They, together with allied Alans, destroyed the Late-Scythian state and the major part of its population. Only the Sarmatians, who lived in the lower reaches of the Belbek River and in the region of the Bodrak River, managed to survive. In the South-Western Crimea the Alans and Germans dominated from 250s. The Alans settled in the European part of Bosporos Kingdom and penetrated to Chersonesos. In 260s a deep crisis took place there, probably, it was caused by the destruction of an important partner of the Late-Scythian state, departure of the Roman Army and seizure of Black Sea communications by the Germans.

The situation in the Crimea began to stabilize after the defeat of the Crimean Germans in 276. Their winners, the rulers of Bosporos restored friendly relations with the Roman Empire. As soon as the Empire was able to pacify the Barbarians on the borders, it activized its policy on the peninsula. In the Empire they realized the geopolitical importance of Chersonesos as well as of Bosporos for establishing direct contacts with the tribes which had settled in the Azov Region and in the Crimea.

Rome tried to subjugate Bosporos, and probably, it gained a certain result. In the end of the 3d century a Roman garrison returned to Chersonesos. By the end of the 4th century Roman military troops had turned the city into the largest fortress on the peninsula. In the 4th century Bosporos and Chersonesos became important economic partners of the Empire, importers of grain to Constantinople.

In the Epoch of Great Migration of Peoples ethnic processes on the peninsula became more active. In the beginning of the 5th century Huns captured the Crimean steppe and a part of European Bosporos. The described event changed the situation in the Crimea, destabilizing it, and caused new migration of the Alans. They left the slopes of the third ridge, bordering with the steppe, leaving the cemeteries in Druzhnoe, Perevalnoe and Neizats. Their new cemeteries and settlements appeared on the slopes of the second ridge in Skalistoe I, Bakla and Luchistoe.

All the aforesaid testify to high dynamism of ethnic processes in the Crimea during the period under consideration.

Рис. 1. Карта памятников позднеримского периода в Крыму: 1 - римские гарнизоны и городища Боспорского царства; 2 - городища и некрополи поздних скифов и сармат; 3 - могильники с кремацией и клады германцев; 4 - могильники алан, возникшие около середины III в.; 5 - могильники и поселения алан, возникшие около конца IV в.; 6 - направление первого вторжения готов в Крым в 255 г.
1-Южнодонузлавское, 2-Нейзац, 3-Неаполь скифский, 4-Дружное, 5-Усть-Альма, 6-Алма-Кермен, 7-Бакла, 8-Скалистое, 9-Озерное, 10-Тенистое, 11-клад монет у с.Долинное, 12-Бельбек I-III, 13-Красный Мак, 14-Мангуп, 15-Инкерман, 16-Совхоз 10, 17-Херсонес, 18-Килен-Балка, 19-Черная речка, 20-Чатыр-Даг, 21-Лучистое, 22-Харакс, 23-Феодосия, 24-Иллурат, 25-Тиритака, 26-Боспор, 27-Мирмекий, 28-Зенонов Херсонес, 29-Заморское, 30-Семеновка.

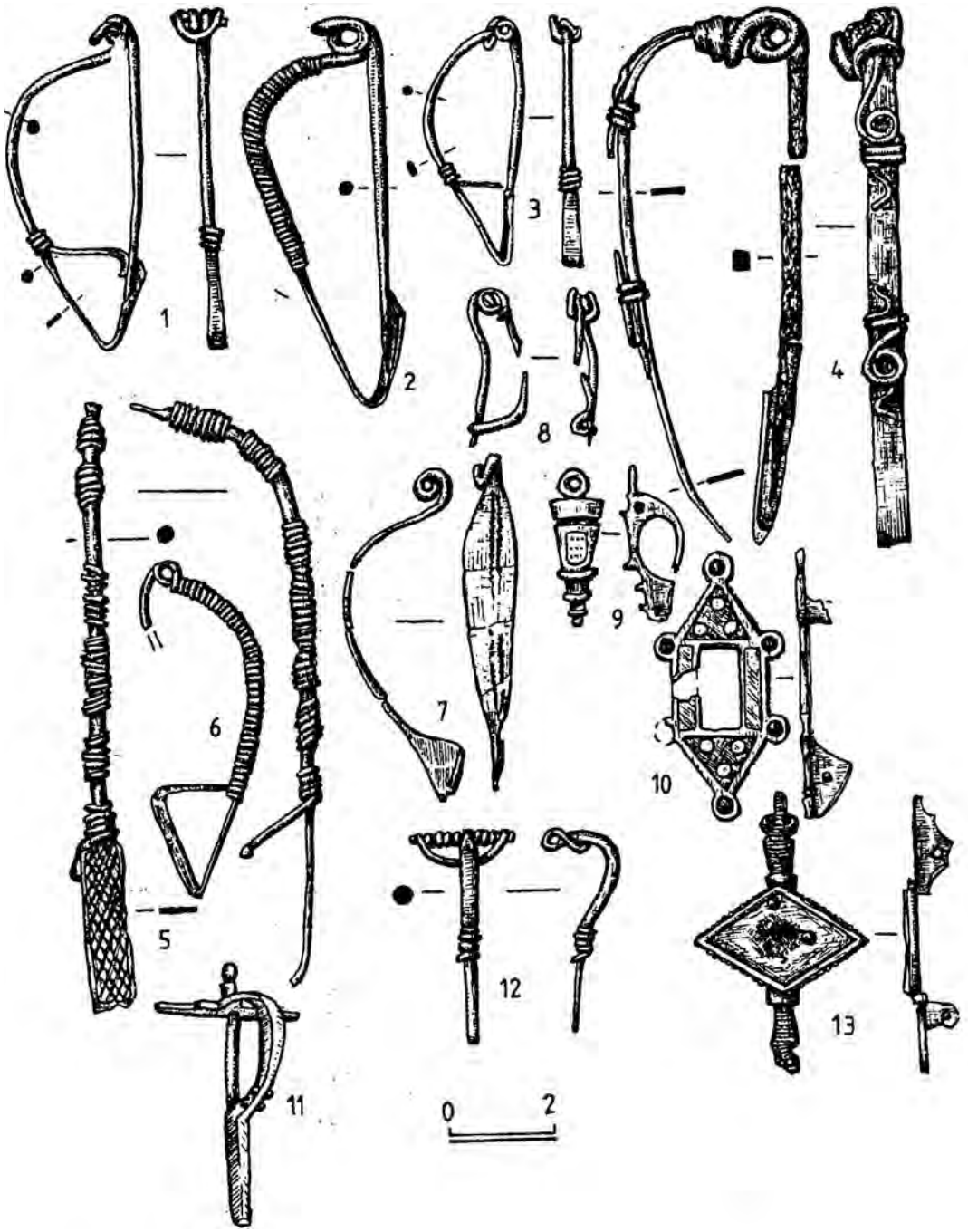

Рис. 2. Находки из комплексов первой группы: 1,3-13 - Черная речка (1-могила 50, 3-могила 72, 4-могила 86, 5,8,9-могила 6, 6,12-могила 35, 7-могила 72, 10-могила 71, 11-могила 45, 13-могила 58); 2 - Тиритака, склеп V/1934.

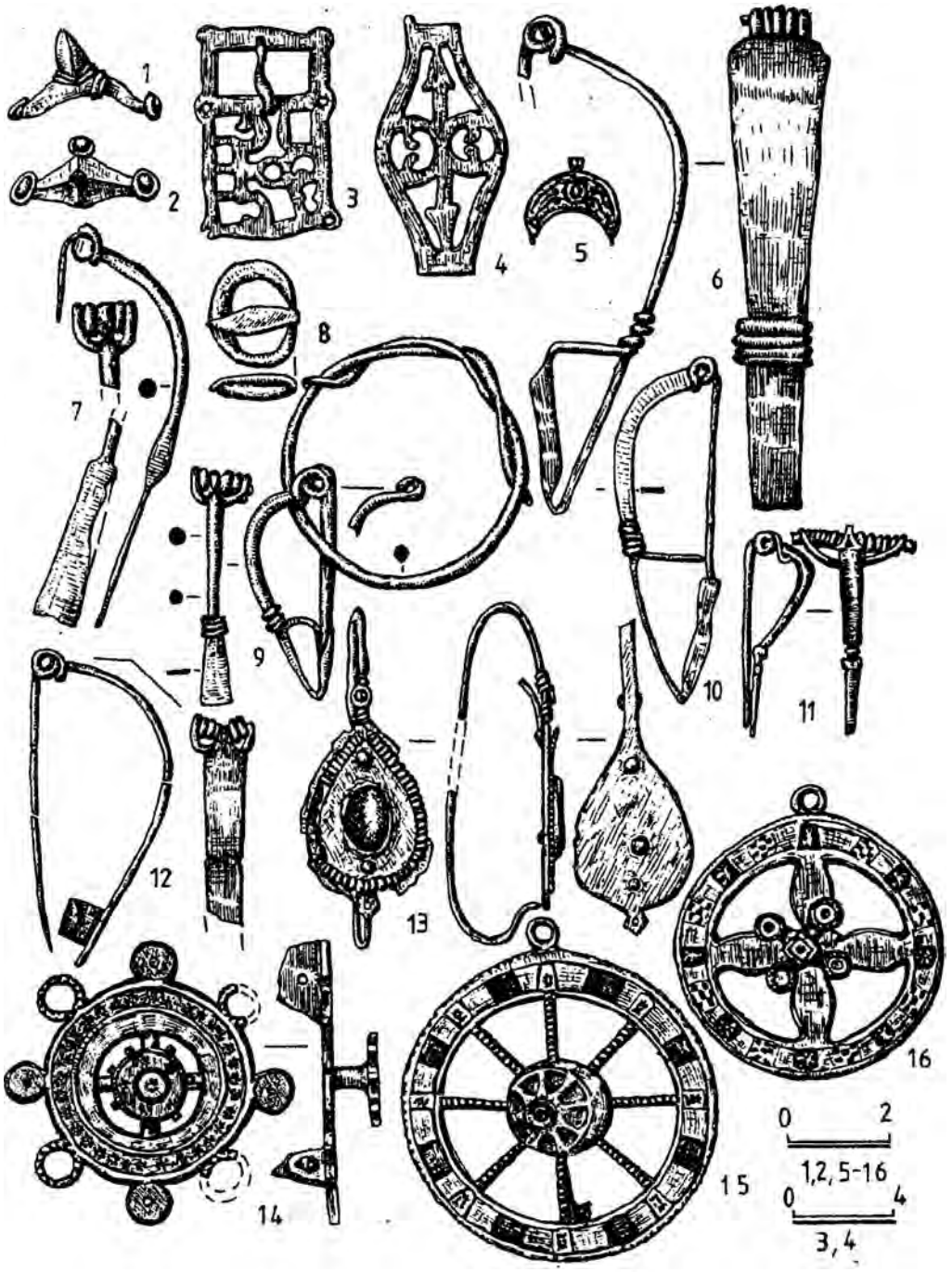

Рис. 3. Находки из комплексов первой группы: 1,2 - Скалистое III; 3-7,9,12,14-16 - Черная речка (3,4,6,7-могила 35, 5-могила 87, 9,14,16-могила 45, 12-могила59, 15-могила 86); 8 - Инкерман, могила 35; 10 - Керчь, могила Месаксуди; 11,13 - Дружное, склеп 1.

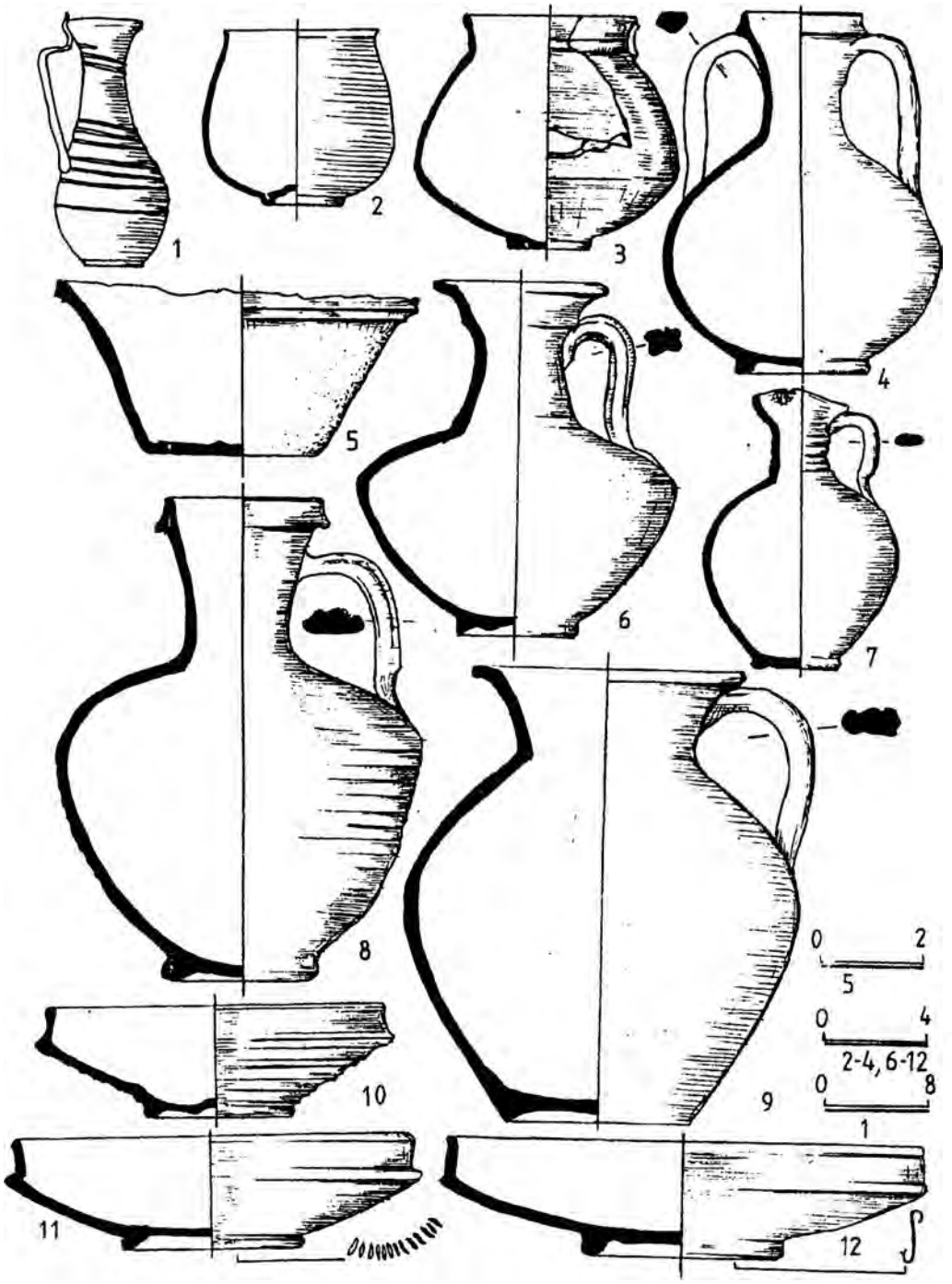

Рис. 4. 1 - Херсонес, склеп 242; 2,4,6-9,11,12 - Черная речка (2-могила 35, 4,12-могила 87, 6-могила 61, 7-могила 54, 8-могила 58, 9-могила 89, 11-могила 68); 2,3,10 - Дружное (2,3-могила 2, 10-склеп 1).

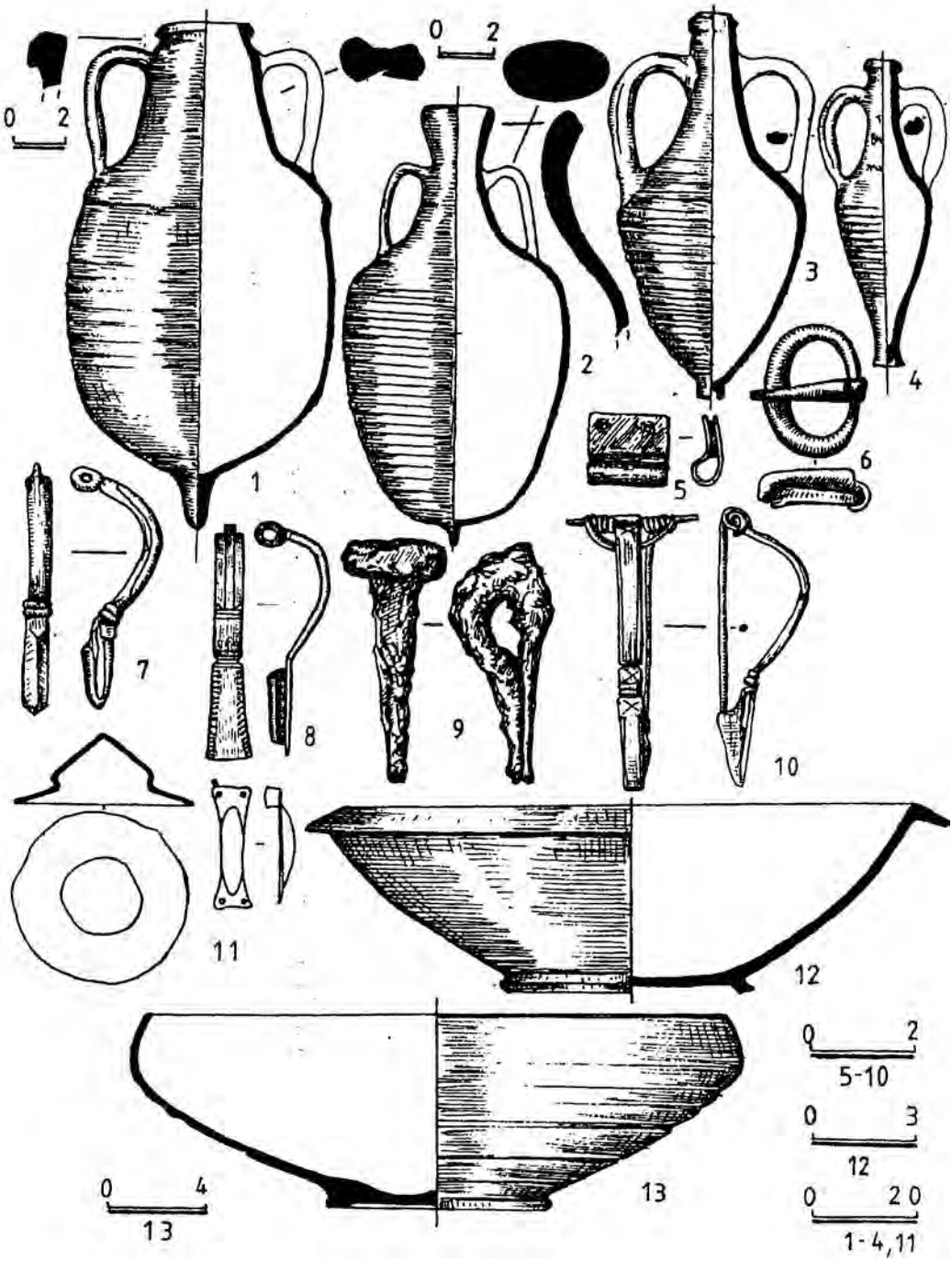

Рис. 5. 1,2,12 - Черная речка (1-урна 16, 2-урна 22, 12-могила 40); 3 - Танковое, могила 6; 4 - Инкерман, склеп 25; 5,6,9,13 - Дружное, склеп 1; 7,11 - Озерное (7-склеп1, 11-склеп 2); 8,10 - Совхоз 10 (8-могила 228, 10-могила 55).

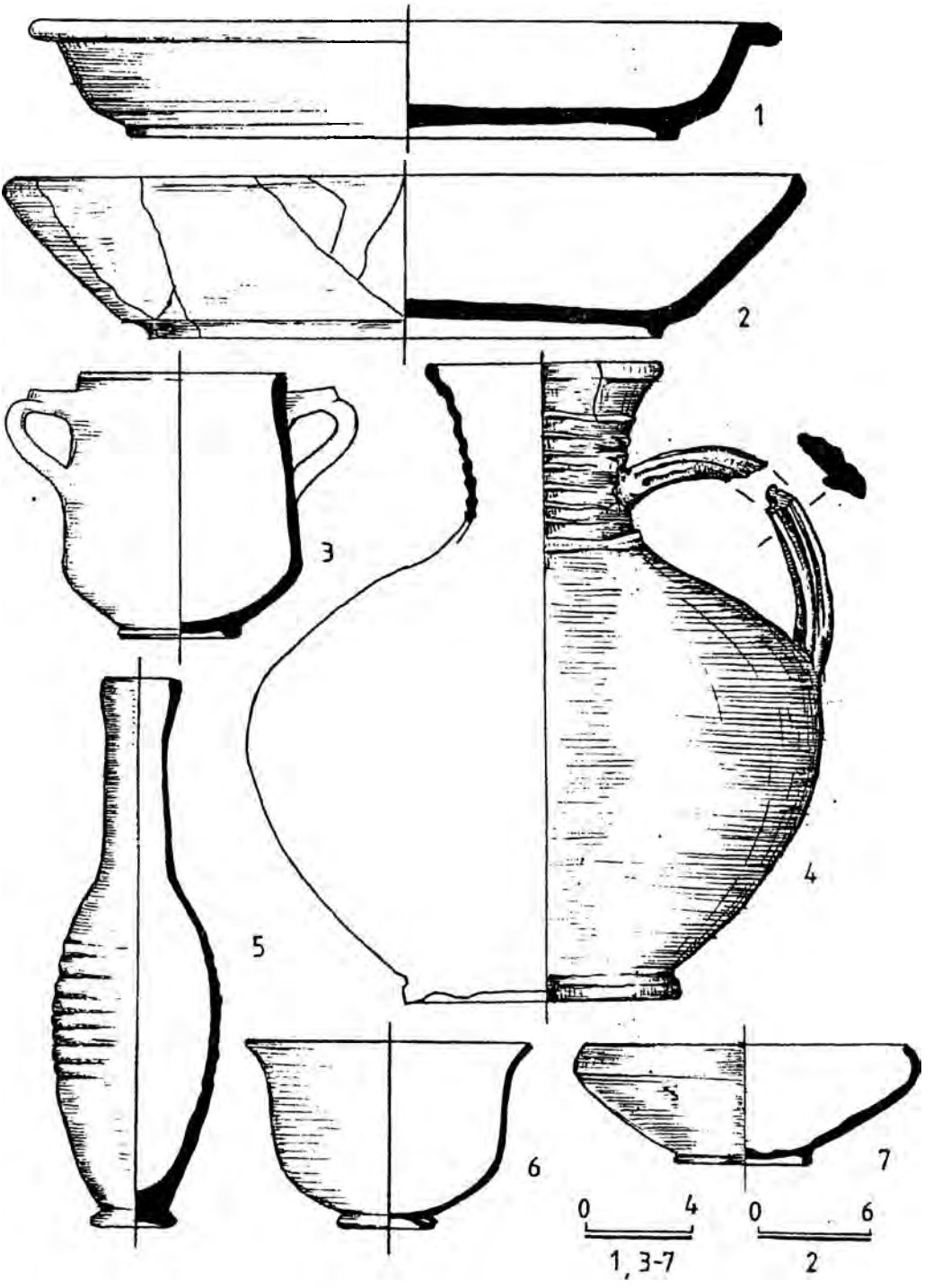

Рис. 6. 1-3 - Черная речка (1-склеп Б, 2-могила 22/1989, 3-могила 54); 4,7 - Дружное, склеп 1; 5 - Харакс, могила 34; 6 - Озерное, склеп 1.

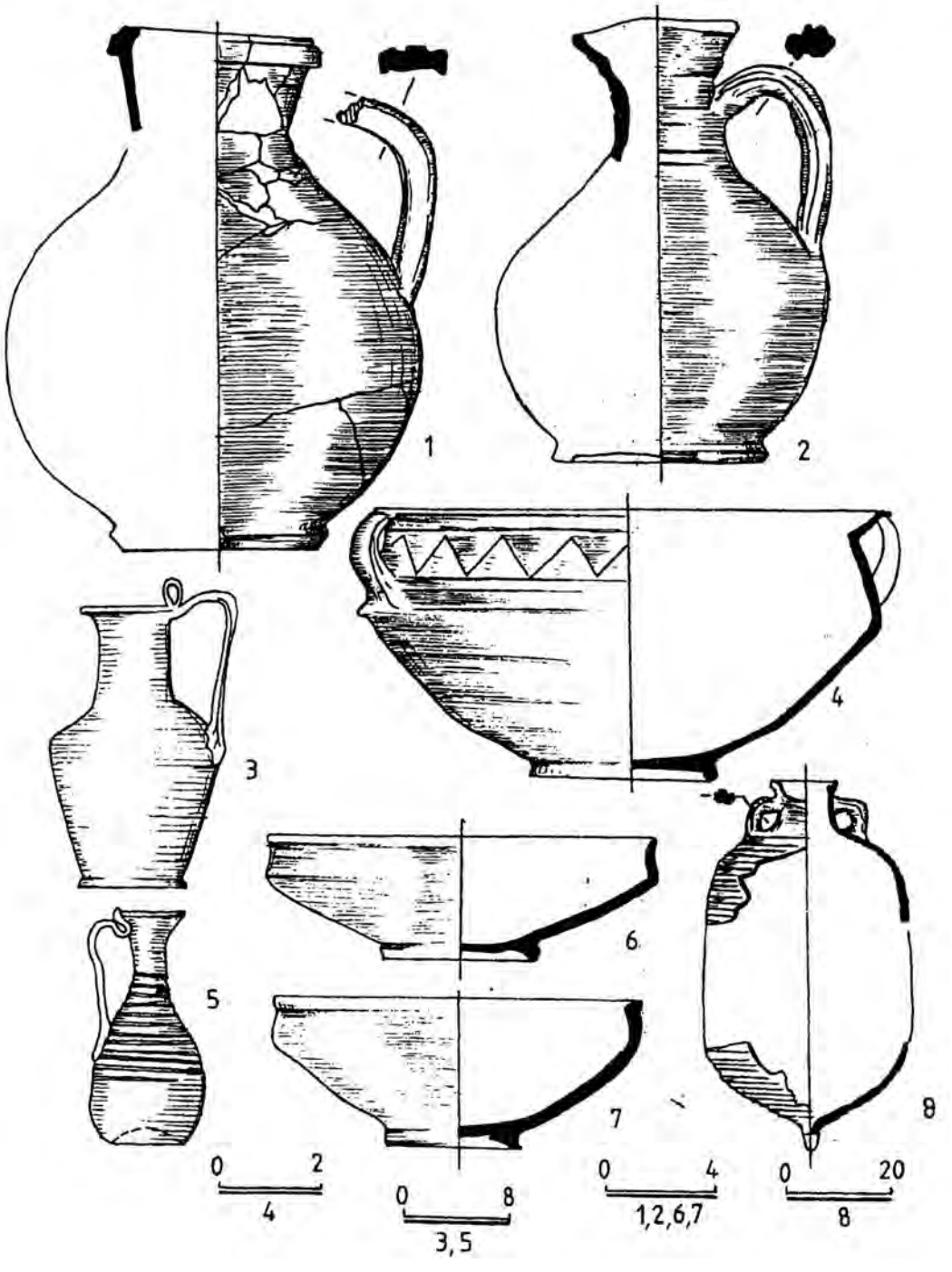

Рис. 7. 1,2 - Дружное, склеп 1; 3 - Керчь, могила 5/1903; 4,5 - Инкерман (4-склеп 37, 5-могила 35); 6,7 - Черная речка (6-урна 11, 7-могила 8); 8 - Чатыр-Даг, могила 4.

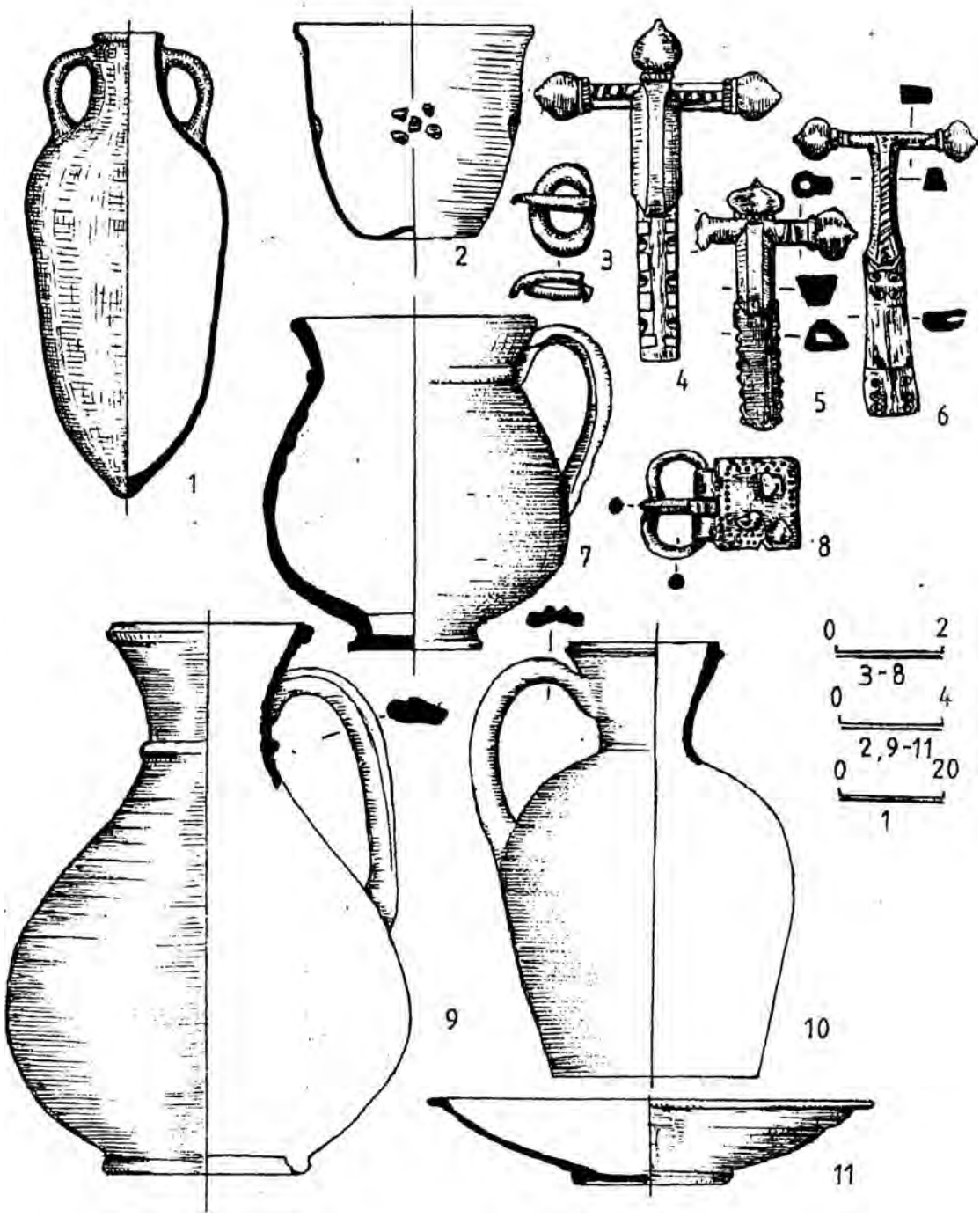

Рис.8. 1,9,10 - Черная речка (1-могила 38, 9-могила 2, 10-могила 53); 2 - Совхоз 10, могила 6; 3,4 - Инкерман (3-могила 13, 4-могила 16); 5-8 - Херсонес, склеп 1 1982; 11 - Дружное, склеп 1.

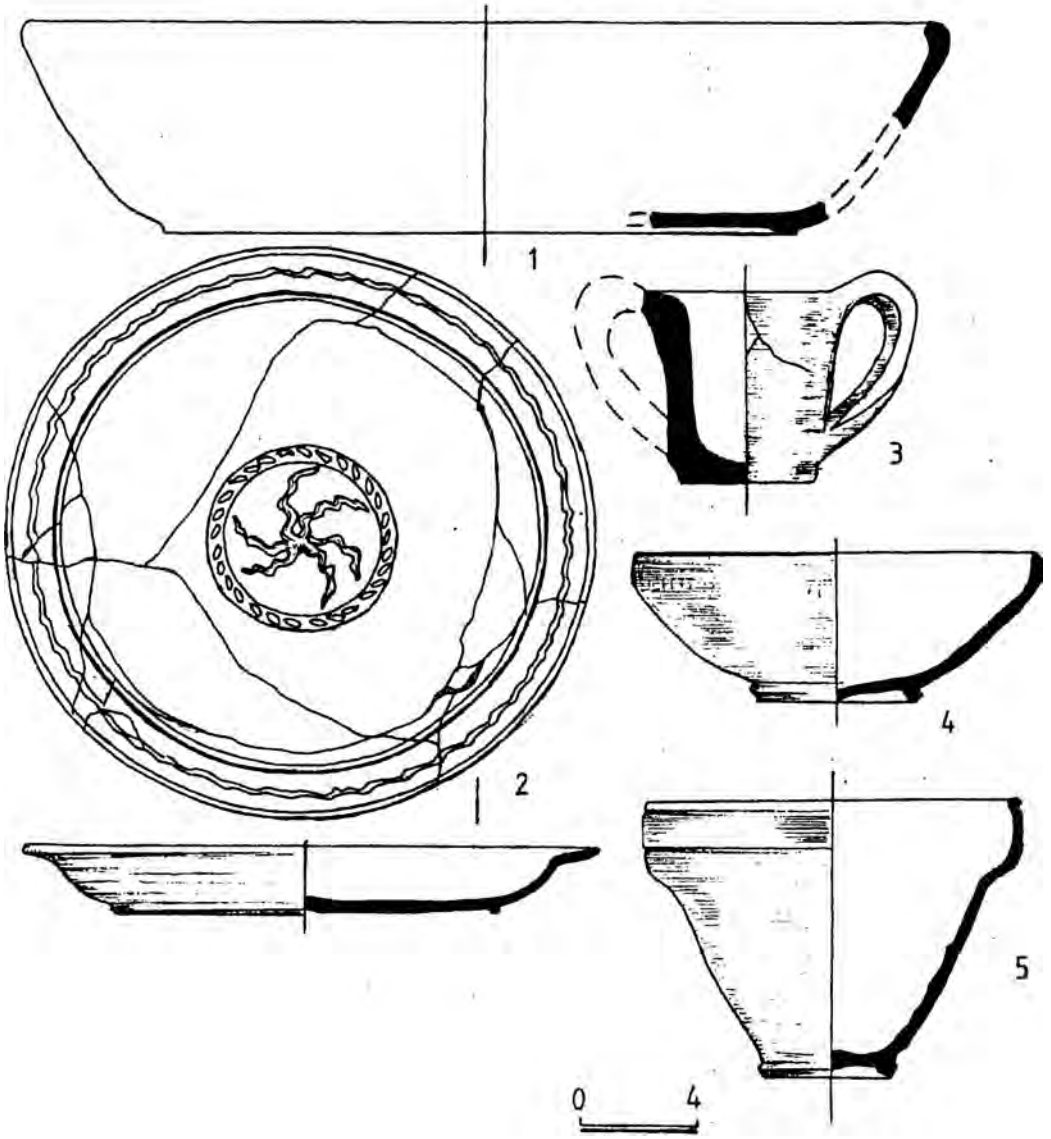

Рис. 9. 1,2,4,5 - Черная речка (1-склеп 15/1989, 2-склеп 34/1989, 4-могила 86, 5-урна 38); 3 - Херсонес, склеп 1/1982.